

— **И**скусство, как говорится, перед обществом в большом долгу, но и вы, дорогая Ирина Андреевна, тоже кое-чем провинились перед творческой интеллигенцией. Почистить карму не угодно ли?

С этими словами председатель суда Павел Михайлович любовно погладил по лысине мраморный бюстик Ленина, расположенный у него на столе под правой рукой возле чернильного прибора.

Ирина нахмурилась:

— Простите?

— Ах, память девичья, — засмеялся председатель, — забыли уже режиссера Пахомова?¹ Нет?

— Ну конечно нет, Павел Михайлович. Такое не забывается.

Председатель с улыбкой покачал головой:

— Надеюсь, что так. Не каждый день ведь наносите удар в самое сердце советской культуры. Так вот, дорогая моя, появился шанс реабилитироваться.

¹ Прочитать об этом деле можно в романе М. Вороновой «Сама виновата», М., изд. «Эксмо».

Начиная понимать, куда клонит начальник, Ирина с тоской посмотрела на скоросшиватели.

— Да, да, и не надо морщиться, Ирина Андреевна. Прекрасное дело!

— Вы думаете? — Ирина усмехнулась.

— Боже мой, конечно! Культурные люди, и никто никого даже не убил. Ну прелесть!

— Павел Михайлович, пожалуйста, — заныла Ирина, для убедительности молитвенно сложив ладони, — я же ничего не смыслю в хозяйственных преступлениях! Пусть Иванов...

— Иванов плотно занят на другом процессе.

— Павел Михайлович, я ведь не кокетничаю, когда говорю, что арифметика не мой конек! Честное слово, клянусь! Например, фраза «квадратная комната три на четыре метра» не вызывает у меня никаких вопросов.

— А должна?

— Квадрат — это равносторонний прямоугольник, — мрачно заметила Ирина.

Председатель засмеялся:

— Вот видите, дорогая, вы уже понимаете в математике больше моего.

Артачиться дальше глупо, дело все равно окажется у нее, раз так решил начальник, но для профилактики надо немножко повыпендриваться, чтобы Павел Михайлович не считал ее совсем уж безответной и безропотной. Ирина состроила гримаску, а председатель выбрался из-за стола, очень отчетливо кряхтя, что было, конечно же, тоже ча-

стью спектакля о том, как старого и мудрого руководителя мучают слишком дерзкие подчиненные.

Взяв ее руку в свои, он торжественно произнес:

— Не бойтесь, Ирина Андреевна, все уже посчитано до вас. Над делом работал сам Алексей Сергеевич!

Ирина повеселела. Алексей Сергеевич Очеретный, опер из ОБХСС, был поистине уникальным работником, умел не только вскрыть аферу, но и убедительно выстроить доказательную базу. Следователи буквально молились на него и радовались, что Алексей Сергеевич, обладая гениальным умом, выбрал стезю закона, а не встал на скользкий путь профессора Мориарти, иначе народных средств каждый год недосчитывались бы намного больше.

Жаль, что теперь ей нельзя поговорить с Алексеем Сергеевичем запросто, поскольку она рассматривает дело, над которым он работал вместе со следователем Николаевым. Так что все контакты должны быть строго официальными. Но Очеретный есть Очеретный, а потому в деле должно быть все ясно даже такой незамутненной в финансовом отношении даме, как она.

— Я вам доверяю этот процесс не просто так, — Павел Михайлович вдруг посерьезнел, — а потому, что вы на сегодняшний день у меня самый принципиальный и добросовестный сотрудник.

Ирина поморщилась:

— Большое спасибо, конечно, за лестные слова...

— Это правда, Ирочка. Вы объективны и честны, не поддаетесь ни на угрозы, ни на посулы.

— Просто не пугали и не соблазняли как следует.

— Ладно, ладно, не скромничайте. Я в вас верю. Идите в секретариат, получайте дело.

— Спасибо, — сухо повторила Ирина и с тяжелым вздохом направилась к двери.

Павел Михайлович окликнул ее на самом пороге:

— Ирина Андреевна, учтите, там хищение в особо крупных размерах.

— Неужели там украли свыше десяти тысяч рублей, чтобы попасть под такую статью? — удивилась Ирина.

— Именно.

— Какая радость!

— А вы же еще ни разу к высшей мере не приговаривали?

— Бог миловал.

— Ну вот и не надо начинать именно сейчас. Все-таки кино — дело не то чтобы несерьезное, но лишать из-за него жизни как-то глупо.

— Я вообще против смертной казни, Павел Михайлович, вы же знаете.

— Вот и хорошо.

Вернувшись в кабинет, Ирина хотела сразу приняться за бумаги, но вместо этого заварила себе кофейку. Успеет еще погрузиться в эту, по меткому выражению Алексея Сергеевича, поэзию цифр и погнуть себе пару извилин над всякими накладными, платежными поручениями и счетами-фактура-

ми, которые вообще бог знает зачем существуют и что представляют из себя.

Господи, да она когда квитанции за квартиру заполняет, плачет горючими слезами, тратит на это по полдня, и то каждый раз боится, что напутала и платеж не прошел, а Павел Михайлович хочет, чтобы она изучила пять томов финансовых документов!

Смешно подумать, что до сегодняшнего дня процессы Кирилла¹ и Еремеева² казались ей верхом сложности. Нет, то легкотня была, а вот где истинное крючкотворство! С тоской взглянув на скоросшиватели, Ирина убрала их в сейф и заперла замок на все обороты. До завтра она к этим бумажкам даже не притронется, а если Павел Михайлович вдруг спросит, то фабула ей известна, слава богу, с коллегами дружит и сплетни слушает.

Ирина следила за перипетиями этого громкого дела с любопытством и азартом, ибо на сто процентов была уверена, что рассматривать его ей не придется. Для этого есть понаторевший в хозяйственных преступлениях Иванов или не менее опытный судья Табидзе, которым бухгалтерская отчетность не кажется древними загадочными письменами.

¹ Об этом процессе судьи Ирины Поляковой читайте в романе М. Вороновой «Женский приговор», М., изд. «Эксмо».

² А об этом — в романе М. Вороновой «Погружение в отражение», М., изд. «Эксмо».

Подумаешь, Иванов в процессе! Там дело движется к концу, а Табидзе вообще скучает и, как Шерлок Холмс, сетует на тупость и предсказуемость преступного элемента. Он был бы счастлив погрузиться в сложное многоэпизодное дело, но нет. Выбор руководства снова пал на Ирину, и, не будем обольщаться, не за ее великие достоинства, а всего лишь потому, что в свое время коллеги присвоили ей титул «мисс Оправдание».

Когда-то она вынесла оправдательный приговор, несмотря на указание сверху, потом повторила этот фокус, когда на нее прямо не давили, но соблазнили быстрым продвижением по карьерной лестнице в обмен на высшую меру, а потом вышла замуж и родила второго ребенка, чем окончательно убедила коллег в том, что семья и справедливость ей дороже всего на свете.

Ну а раз так, то давай, Ирина Андреевна, бросайся под все танки, тебе, в случае чего, терять нечего, а мы мужики, у нас мало ли как жизнь повернется. Вдруг повышение предложат, а у нас в анамнезе неуютный приговор, конфронтация с партийными органами. Нет, не надо нам такого.

По этому принципу ее не так давно поставили на процесс прокурора Макарова. Бог его знает, куда там кривая выведет, а ты, Ирочка, при любом исходе ничем не рискуешь. С должности тебя, мать двоих детей, никак не сковырнешь, но и выше ты тоже не поднимешься. Все блестящие перспективы заслонила счастливая семейная жизнь и твоя строптивость.

Павел Михайлович симпатизирует режиссеру Соломатину и понимает, что если кто отважится оправдать его, так это будет именно Ирина.

Тем более за ней должок, как председатель не преминул напомнить. Одного деятеля киноискусства опорочила, другого надо вывести из-под удара.

Ирине и самой хотелось оправдать Соломатина, попавшего в число подсудимых явно по распоряжению соответствующих органов, вот если бы только для этого не надо было чахнуть над финансовой документацией...

А впрочем, и не надо, ведь Соломатин руководит творческим процессом, а за финансовый оборот отвечает директор картины, он и подписывает все бухгалтерские документы. Просто заслуженный деятель искусств Игорь Васильевич Соломатин слишком дерзко и талантливо критиковал советскую власть, вот компетентные органы и распорядились пристегнуть его к уголовному делу, чтобы слегка охолонул в своем диссидентском запале.

Выдавал бы идеологически выдержанный продукт, так пошел бы свидетелем, максимум его пожурила бы дирекция «Ленфильма», что не проследил за своим слишком шустрым директором картины. Когда человек весь в искусстве, что с него возьмешь? Если он такой же математический кретин, как Ирина, и хочется кино снимать, а не свертывать всякие там дебет с кредитом, тем более что для этого существует специально обученный че-

ловек? Режиссерам вообще тяжело, намного хуже, чем писателям, композиторам и художникам, которым взял ручку-бумажку, да и работай. Ладно, художнику еще холст-масло потребуется, но такой расход любой советский человек может себе позволить. А вот кино ты никак не снимешь на собственные средства, ни при каких обстоятельствах, и что делать, если бог одарил тебя талантом именно в этой области? Если ты чувствуешь мучительную потребность воплощать творческие замыслы именно в виде фильма? Писатель может писать в стол, а режиссер без работы вынужден носить свои идеи внутри своей головы, и это, наверное, очень тяжелый груз. И неизвестно еще, кому хуже: тем, кто после многих неудачных попыток поступить во ВГИК смирился и направил свою энергию в другое русло, или тем, кто получил вождеденный диплом и мается без работы.

Взять, например, ее саму. Она занимает завидную должность судьи в городском суде, но если бы не сложилось, то сидела бы в районном, а если бы и там не вышло, могла уехать на периферию и там заниматься любимым делом. Да, скучала бы по Ленинграду, но плодотворно и с интересом работала бы по специальности. Или одареннейший психиатр нашей с вами современности, ведущий специалист по маньякам Витя Зейда. Не срослось бы с аспирантурой, сидел бы в краю летающих собак и там реализовывал свое призвание лечить людей от психических заболеваний.

У кинорежиссеров такой возможности нет. Они или снимают фильмы на киностудиях страны, или работают не по специальности.

Игорю Васильевичу повезло. Его дипломная работа была оценена так высоко, что пошла в прокат, дебютный фильм получил приз на Берлинском кинофестивале, и с тех пор Соломатин частенько радовал советский народ своими гениальными, а на взгляд Ирины, скучнейшими и пустыми фильмами.

Естественно, она никому не признавалась, что не понимает творчество мастера, а послушно закрывала глаза от восторга, когда при ней упоминали «Путь за горизонт», «Мглу над городом» и другие фильмы великого Соломатина.

Если бы встал перед ней выбор, куда идти, на премьеру фильма Соломатина или в сотый раз посмотреть комедию Гайдая, Ирина без колебаний выбрала бы второй вариант с оговоркой, что об этом ее решении никогда и никому не стало бы известно. В культурном багаже советского интеллигента фильмы Соломатина так же обязательны, как «Мастер и Маргарита», Хемингуэй, Феллини и Солженицын.

Стыдясь своих примитивных вкусов, Ирина очень хотела увидеть и понять «оттенки смыслов», «тонкую и нервную ткань сюжета» и «трансцендентность повествования» фильмов Соломатина, но не получалось. Возможно, потому, что она слабо представляла себе значение термина «трансцендентность», а искать в словаре было лень.

Кирилл высоко ценил творчество Игоря Васильевича, но на каждый новый его фильм в кино-театр не рвался. Он говорил, что ходит в кино по-ржать и попереживать, а для «подумать» и «посмотреть на красивую картинку» у него есть книги и музеи. Ирина укоризненно качала головой, а сама радовалась, что не одна она такая отсталая в их семействе.

Естественно, в фильмах Игоря Васильевича было полно шпилек в адрес социалистического строя, иначе они не получили бы такого горячего приема у советской интеллигенции, но за мутным повествованием и невнятной авторского высказывания эти шпильки как-то не кололи глаз.

Года три назад Соломатин то ли решил попробовать себя в новом амплуа, то ли руководство киностудии вспомнило лозунг «Все лучшее — детям», в общем, великий режиссер поставил фильм по мотивам сказок Андерсена.

Картина оказалась преисполнена такой лютой сатирой на социалистический строй, что удивительно, как пошла в прокат, а не легла на полку. Очевидно, в тот день на смену заступила бригада слепоглухих цензоров, другого объяснения Ирина не находила. Да, формально отрицательные персонажи являлись королями и графами, но сходство их с лидерами СССР бросалось в глаза даже первоклассникам, для коих, собственно, фильм и был снят. Тем не менее картину не запретили, даже периодически показывали во «В гостях у сказки»,

вызывая гнев Егора, который этот фильм отчаянно не любил. Пошел в мать по части примитивных вкусов.

Ирине тоже казалось, что Соломатин, увлекшись обличением социалистического общества, забыл, что работает для детей, которым нужна интересная сказка, а тонкий юмор на злобу дня они по малолетству просто не понимают. Зато большинство родителей было просто в восторге от гражданской смелости режиссера.

Почему же фильм, густо замешанный на антисоветчине, все же вышел на экраны? А просто эффект запредельной наглости никто не отменял. Ведь бывает, слушаешь какую-нибудь лютую ахиною и думаешь, что нет, не может собеседник быть таким дураком, наверное, это я чего-то не знаю и не понимаю. Администрация студии и партийное руководство были твердо убеждены, что ни один человек в здравом уме не позволит себе такие суицидальные шуточки, а раз так, значит, Соломатин ничего плохого не имел в виду, просто такая уж у него творческая манера и художественное видение. Так или иначе, но режиссера не отлучили от работы, а, наоборот, позволили ему снять еще один детский фильм, основанный на вольной интерпретации сказок Шарля Перро.

В этот раз Игорь Васильевич тоже не удержался от рискованных аллюзий, но «Шляпа с пером» по сравнению с предыдущим фильмом выглядела просто апофеозом благонадежности. Подумаешь,

злой маркиз обещал своим крестьянам, что они найдут награду за труд в конце борозды, а потом, хохоча, уточнял, что не имел в виду конкретно эту. Просто художник так раскрыл угнетателя, а про советские порядки в тот момент вообще не думал.

Ребятишкам фильм понравился, может, из-за более низкого градуса сатиры, а может, потому, что Соломатин в этой картине много снимал детей.

Цензура пропустила «Шляпу с пером», но вскоре вопросы к создателям шедевра появились совсем у другого ведомства.

ОБХСС стало известно о довольно остроумной афере, которую провернула съёмочная группа. Отрицательный маркиз в фильме злодействовал не один, а с помощью бригады пажей, наряженной в черные кожаные плащи. Если цензура не увидела тут аллюзию на чекистов, то, по мнению Ирины, зря ела свой хлеб, ну да не в этом суть. Главное, что кожу высочайшего качества, закупленную для производства плащей, продали в ателье, что называется, «мимо кассы», а пажам пришлось довольствоваться плащами из черного сатина, который на экране выглядел в точности как кожа.

После съёмок плащи были на безвозмездной основе переданы в подшефный Дворец культуры города Тихвина, где их через пару лет благополучно списали бы и никто ничего никогда бы не доказал, но в своей тонко продуманной преступной схеме злодеи не учли одного — громкого имени режиссера. Успешный и знаменитый человек всегда

окружен завистниками, хищно ожидающими малейшего его промаха, чтобы насолить, а в идеале уничтожить.

Шила в мешке не утаишь, и хоть все посвященные в аферу были замазаны круговой порукой, где-то что-то просочилось, умный человек, видимо, сопоставил и доложил в ОБХСС, где въедливый Алексей Сергеевич Очеретный прикинул, что хоть денежки за продажу кожи налево вышли довольно приличные, но если разделить их между всеми членами преступной группы, получается не та сумма, ради которой солидным людям стоит рисковать и вообще вставать с дивана. Была начата масштабная проверка, в ходе которой выяснилось, что из каждых десяти рублей, выделенных государством на производство фильма, три было украдено. И это по самым осторожным подсчетам, а реально по карманам осела половина бюджета.

Больше всего нарушений выявили при работе с массовой. Для уличных сцен привлекали, например, двадцать человек, а по ведомости числилось пятьдесят, и зарплату этих «мертвых душ» Чичиковы от кинематографа клали себе в карман, благо специфика картинки узких улочек средневекового города не позволяет посчитать, сколько в кадре одновременно присутствует человек.

Обилие сцен с актерами-детьми тоже объяснялось не художественным, а преступным замыслом. В подшефном Дворце культуры, расположенном в Тихвине, была отличная секция бальных танцев,

коллектив которой многократно побеждал на международных конкурсах. Танцевали ребята действительно прекрасно и без шуток украсили фильм своей отточенной хореографией, но деньги за это получили только по ведомости. Никому из них даже не пришло в голову, что за возможность увековечить себя на киноплёнке они должны еще и зарабатывать.

Равно как и пажи в кожаных плащах из сатина бегали по экрану на общественных началах. Это были те же ребята из танцевальной секции.

Съемочный процесс проходил в дни школьных каникул, соответственно, дети от учебы не отвлекались и родители были только рады, что они с пользой проводят время. Директор картины организует автобус, который возит ребят в Ленинград и обратно, на площадке кормят, знаменитые артисты дают им автографы, что еще надо для счастья?

Соломатин был не только гением и самобытным творцом, но и крепким профессионалом, он умел работать с массовой, делать сцены с одногодвух дублей, поэтому ребята не успели понять, что съемки — это не веселое приключение, а тяжелый труд, который, как и всякий другой труд у нас в стране, должен быть оплачен.

Кроме того, надо понимать специфику маленького городка, хоть и расположенного всего в двухстах километрах от Ленинграда. Дети грезят о большом мире, стремятся вырваться из захолустья, и путей для этого не так много. Реалистичные — ар-

мия или лимитчиком на завод, а поступление в институт теоретически возможно, а на самом деле утопия. Шанс появляется, когда ты умеешь что-то делать в разы лучше остальных — поешь, или катаешься на коньках, или бегаешь, или вот танцуешь. Ребята понимали, что танцевальная студия — их билет в интересную жизнь. В такой ситуации педагог, заслуженный работник культуры, по прихоти судьбы оказавшийся в Тихвине, для тебя царь и бог, он ведь не только научил всему, но еще и может устроить тебя в профессиональный коллектив, или способствовать твоему поступлению в тот вуз, где есть танцевальный ансамбль, или просто напишет рекомендацию в институт культуры. И в армию ты благодаря его заступничеству пойдешь не в танкисты, а в ансамбль песни и пляски. Когда человек одним телефонным звонком способен решить всю твою судьбу, ты будешь делать то, что он говорит, и ни о какой оплате труда даже не заикнешься.

На этом махинации творческого коллектива кинематографистов не исчерпались.

Декорации тоже по документам были новыми, а на самом деле являлись реквизитом из другого фильма-сказки, снятого на пять лет раньше, но мастерство Соломатина и кинооператора позволило зрителям этого не заметить.

После того как факт хищений был установлен, следовало выяснить состав преступной группы и роль каждого участника. Кто организатор, кто сообщник, кто пособник, а кто просто дурак, не за-

мечающий, какое лютое безобразие творится у него под носом.

Понятно, что лидером является директор картины, поскольку без его подписи ни одна финансовая операция не может быть осуществлена, совершенно точно замешан начальник пошивочного цеха, который составлял карту раскроя плащей и не мог не знать, что получил сатин вместо кожи. Швеи, непосредственные исполнительницы, тоже понимали, куда ввязались, но с ними, скорее всего, не делились, успокоили тем, что они получают зарплату повыше, как если бы на самом деле шили кожаные плащи.

По работникам ателье, через которое реализовали кожу, дело выделили в отдельное производство, равно как и по сотрудникам Дворца культуры, сдававшим в рабство вверенный им творческий коллектив, так что пусть у тамошних судей голова болит, кто у них был главный, а Ирине придется точно выяснить это в отношении кинодеятелей, потому что от этого напрямую зависит срок. Или оправдание.

К сожалению, кинодеятели следовали золотому правилу уголовного мира «вину признать успеешь на суде», все отрицали, путались в показаниях, а порой и откровенно лгали. Словом, препятствовали расследованию как могли, а тут еще Очеретного повысили, так что Николаев заканчивал дело уже без его помощи. Вероятно, в один прекрасный момент пожилому следователю просто надоело хо-

дить к начальству за продлением сроков, вот он и рассудил, что раз преступление доказано, то и нечего воду в ступе толочь. Пусть дальше судья разбирается, кто главный, а кто так, на подхвате.

Ирина вздохнула. Соломатин отвечает за творческую составляющую картины, к финансам не имеет отношения, поэтому, по логике, у следственной группы не должно было возникнуть к нему вопросов, разве что как к свидетелю.

Но так уж сошлось неблагоприятно... Сверху намекнули, что зарвавшегося правдолюбца и антисоветчика хорошо бы проучить, а следователь попался старой закалки, коммунист и, кажется, даже сталинист, с обвинительным уклоном, крутым, как обрыв. Тонким ценителем искусства следователь Николаев тоже не был, поэтому ранимая душа творца, блуждающая вдали от всего земного, не явилась для него аргументом, чтобы отстать от режиссера, и он принялся копать.

Разве мог Соломатин, не будучи слепым, принять сатин за кожу? Почему съемки с пажами и танцевальные номера запланировал на дни школьных каникул? Уж не затем ли, чтобы не волновать родителей, которые иначе могли забеспокоиться, почему детей отвлекают от учебы? Как он не заметил, что ему вместо новых декораций втюхали какое-то отработанное барахло? Он же художник, озабоченный красотой каждого кадра, иногда по полдня выбирает цветочки для веночка на голову героини, а тут вдруг такое странное пренебрежение к дета-

лям... И почему весь фильм цветной, а эпизоды с пажами сняты на черно-белую пленку? Чем продиктовано сие оригинальное художественное решение? Желанием показать, что у эксплуататоров и угнетателей нет полутонов, или страхом, что найдется внимательный зритель, который в цветном изображении поймет, из чего пошиты плащи?

Прокурор города Макаров мог бы урезонить своего не в меру пытливого подчиненного, приказав ему не трогать именитого режиссера, но после того, как разоблачил заслуженного следователя Костенко, кресло под ним трещало страшно, и в такой ситуации он предпочел не обострять отношения с соответствующими органами и дал добро на уголовное преследование товарища Соломатина. Что ж, не будем его за это осуждать, своя рубашка ближе к телу. На долю бедного Федора Константиновича и так выпало в последнее время порядочно испытаний, уже не осталось сил заслонять грудью дерзкого кинорежиссера, и будем объективны, Макаров хоть и двуличная коварная сволочь, но прокуратурой управляет очень даже хорошо. Если его снимут за Костенко, то вряд ли сразу найдут равноценную замену.

Из разговоров коллег Ирина знала, что суд над Соломатинным планируется в виде показательной порки, чтобы наглядно и доступно продемонстрировать его коллегам и творцам в других областях искусства, что наглеть не надо. Советская власть, которую вы, дорогие товарищи, с таким наслаж-

дением ругаете, может, и не без греха, но одного у нее точно не отнять — она всегда может упрятать за решетку тех, кто ей не нравится.

Ирина вздохнула. Очень жаль, что роль плетки в этой показательной порке выпала именно ей, ведь внутреннего убеждения в виновности режиссера она совсем не чувствует.

Виновны ли директор картины с экспедитором? Да, без сомнения. На таких должностях расхищение социалистической собственности — естественное состояние, разве что не прописано в служебной инструкции. Девиз советского человека — тащи с работы каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость. А, еще вот что: сколько у этого государства ни воруй, своего не вернешь. Кто-то, как она, простая судья, может стянуть только скрепки и копировальную бумагу, а где есть доступ к материальным ценностям, немедленно начинаются хищения.

Например, если ты работаешь в торговле, то скорее сядешь, если не воруеть, чем если воруеть и делишься с непосредственным начальством. Попробуй быть честным продавцом, не обманывать покупателей, так сразу на тебя повесят какую-нибудь недостачу и поставят перед выбором: или возмещаешь ее с помощью отработанных до автоматизма махинаций, или идешь под суд.

Тащат все и отовсюду, виртуозно прикрывая недостачи безупречной финансовой документацией, так что только такие гении, как Алексей Сергеевич, замечают в них несостыковки, и то не всегда.

Впрочем, это еще одна характерная черта социалистического строя — отчетность в нем отражает не столько действительное, сколько желаемое, и реальность безжалостно впихивается в прокрустово ложе показателей.

Нет ничего удивительного, что граждане решили погреть руки на таком безобидном деле, как кино, и даже как-то не хочется их за это сильно осуждать. Кинематограф, конечно, является важнейшим из искусств, но хищения в нем не угрожают жизни граждан и обороноспособности страны. Да и вообще, какая разница, сколько там украли съемочная группа, если картина многократно окупилась в прокате? В сущности, пострадали от расхитителей только дети из танцевального кружка, так выплатили бы им, что полагается, в досудебном порядке, и разошлись. Ну, стоимость кожи еще взыскали бы с ушлых кинодеятелей — и все. Нет, надо было раздуть дело века, будто эти проходимцы своей пересортицей обрекли на гибель полярную экспедицию, как описано в «Двух капитанах», любимой книге Егора.

Ирина покачала головой. Преступления съемочной группы в среде коллег обсуждались весело, с азартом и даже восхищением, вот, мол, какие ушлые ребята, до чего додумались, молодцы. Когда каждый день сталкиваешься с убийствами, хищениями на производстве, из-за которых гибнут люди, а при обысках у директоров магазинов находят десятки килограммов золота и деньги, закатан-

ные в трехлитровые банки, как огурцы, то махинации киношников представляются веселым водевилем, чем-то в духе деятельности Остапа Бендера, и укладываются в его четыреста сравнительно честных способов отъема денег. Лишение свободы за такое представляется чрезмерным наказанием. По справедливости, так надо взыскать с воришек ущерб — да и пустить гулять на все четыре стороны с запрещением занимать должности, связанные с материальной ответственностью.

Только статья «93. Прим» не предусматривает условного наказания, да и время сейчас такое наступило — идет активная борьба с хищениями социалистической собственности, так что придется выписать прохиндеям-администраторам реальные сроки, за условные судье Ирине Поляковой наверняка влепят выговор, а этих мужиков пересудят по всей строгости закона.

Так что придется отправить шустрых граждан на зону, и поделом в принципе, а вот что делать с режиссером?

На девяносто девять процентов он к хищениям непричастен. Человек заслужил мировое признание, является корифеем, мэтром киноискусства, много и плодотворно работает, получая за свой труд вполне приличное вознаграждение. Разве станет такой впутываться в криминальные делишки?

Ирина как-то видела Соломатина по телевизору в «Кинопанораме», где он давал интервью по случаю выхода нового фильма, и честно говоря, сам

режиссер понравился ей больше, чем его творения. И внешне привлекательный, с тонким благородным лицом, и слушать его было интересно. Вот никак Игорь Васильевич не производил впечатление вора и расхитителя, никак.

Завтра она внимательно изучит доказательства причастности Соломатина, собранные ретивым следователем, и чутье подсказывает, что не найдет их особенно убедительными.

Должен был отличать сатин от кожи, старые декорации от новых и съемки массовки от бессовестной эксплуатации детского труда? В принципе, так, но следователь не учел, что Игорь Васильевич является настоящим советским человеком, который с пеленок учится преодолевать трудности, используя для этого исключительно подручные средства. Создавать эти самые трудности, чтобы потом с блеском преодолевать, советский человек учится немного позже, ну да суть не в этом.

Главное, что люди привыкли жить в обстановке дефицита и героизма, а если партия прикажет, комсомол ответит «есть!» и выкопается из любой могилы голыми руками.

Вот Соломатин и научился воплощать свои гениальные творческие замыслы с помощью того, что дают. Директор картины доложил, что вместо кожи выделили сатин, и живите с этим, уважаемый Игорь Васильевич, как хотите. Доверчивый Соломатин не пошел проверять и скандалить с руководством, а погоревал-погоревал, да и при-

думал взять черно-белую пленку. В смету не заложена оплата работы профессиональных танцовщиков? Не беда, привлечем самодеятельность. Им полагаются копейки, а что даже их не выплатили, о том режиссер знать не обязан.

Про декорации вообще говорить нечего. Или получишь неизвестно что неизвестно когда, потому что рабочие то запьют, то с похмелья, то простаивают, потому что материал не завезли, или вот, пожалуйста, тебе проверенные добротные сооружения, смонтируй и хоть завтра начинай снимать. Ничего удивительного, что опытный кинорежиссер не захотел рисковать срывом сроков, ведь декорации в фильме не главное. Не проконтролировал, как директор картины провел это по бухгалтерской отчетности? Ну так нормальный человек ни за что не сунет нос в финансовые документы, если нет крайней необходимости, а сунет, так все равно ничего не поймет.

Интересно, на чем следователь строил обвинения против режиссера? Подпись Соломатина не требовалась в ключевых документах, значит, основными уликами являются показания других фигурантов по делу, которые очень легко могли решиться на оговор в обмен на умаление собственной роли в преступной схеме, или за побрякки во время отсидки, а то и просто из любви к искусству, ведь если ты воуешь, то и соврешь — недорого возьмешь.

Разоблачить спонтанную ложь на суде не так сложно, но если следователь Николаев выполнял

здание вышестоящих органов, партии или КГБ, то он уж расстарался и позаботился о том, чтобы показания против Соломатина были согласованы и исполнялись стройным хором.

Конечно, тут достаточно одного лжесвидетеля раскачать, и вся конструкция посыплется, но...

Ирина нахмурилась. Всегда есть это чертово «но».

Как только станет ясно, что судья планирует оправдать режиссера, ее вызовут в просторный кабинет, обшитый дубовыми панелями, в котором ей уже приходилось бывать, и там подробно и убедительно растолкуют, почему Соломатин должен быть осужден независимо от того, виновен он или нет. Есть, видите ли, уважаемая Ирина Андреевна, высшие интересы нашей родины и социалистического общества, которые требуют, чтобы кинорежиссер немножко посидел в тюрьме в назидание одним коллегам и на радость другим. И Павел Михайлович будет только разводить руками и томно закатывать глаза, признавая свое бессилие перед высшим руководством, а когда Ирина сдастся (допустим), вздохнет сначала с облегчением про себя, а потом в ее сторону с укоризной, «ах, голубушка, я был о вас лучшего мнения»... Или: «ах, Ирина Андреевна, дорогая вы моя, вот уж не думал, что вы так легко сдадитесь. Кто угодно, но не вы». И на всю жизнь получит Ирина ярлык приспособленки...

Не так давно Виктор Зейда рассказал историю, много лет циркулирующую в психиатрических

кругах. После разоблачения культа личности стало принято инакомыслящих не бросать в лагерь, а помещать в психиатрические больницы как страдающих интересной болезнью под названием «вялотекущая шизофрения». Хотя этот диагноз являлся чисто советским изобретением, Ирине казалось, что он все же имеет право на существование, ибо приходилось ей иметь дело с жалобщиками, которых никак нельзя было назвать нормальными людьми, несмотря на отсутствие у них бреда и галлюцинаций. Так же, наверное, и с диссидентами. Ну не нравится тебе советский строй, имеешь право, но разве это повод сидеть до сорока лет на шее у родителей и совершать дикие поступки, ставя под удар всю свою семью? Ладно, в этом пусть компетентные органы разбираются, суть в другом. Однажды на кафедре пришло распоряжение освидетельствовать одного ретивого диссидента, является ли его буйная деятельность результатом психического заболевания или осознанного выбора лютого антисоветчика в здравом рассудке. Начальник кафедры, маститый профессор, поручил это молодому доктору, тонко намекнув, что надо бы пойти против указания КГБ и признать диссидента нормальным. Но то ли намек был слишком тонок, то ли что, но доктор вlepил диссиденту «вялотекущую шизофрению». Бедняга поехал лечиться, а профессор схватился за сердце и чуть не помер от горя, что окружен такими бессовестными подчиненными. Он же своими руками вытащил

молодого негодяя из грязи, отряхнул, к себе приблизил, а он вот так отблагодарил... Не захотел, понимаешь, неприятностей. Профессор так обиделся, что с тех пор пользовался каждой возможностью подчеркнуть, что молодой врач — трусливое ничтожество. Парень и ходил в дураках и приспособленцах под лучами презрения коллег. До тех пор, пока не уволился.

Да, да, допустим, молодой доктор оказался слаб в коленках, но профессор чем лучше? Сам струсил, так от других храбрости не требуй.

Вот и Павел Михайлович молодец, занял безопасную позицию. Если Ирина оправдает Соломатина, то это будет ее личное решение, за которое ей и нести ответственность, а председатель что? Наставлял, направлял, но не совладал со строптивой подчиненной, вы уж простите. И то же самое он скажет в случае обвинительного приговора, только уже не кагэбэшникам, а своим приятелям из мира искусства. Сделал все, что мог, но Ирина Андреевна струсила в последний момент, приспособленка несчастная. А я-то был о ней лучшего мнения, да...

Откинувшись на спинку стула, Ирина потянулась и от души выдохнула. А, ладно, главное, что совсем скоро наступит лето, и на следующий же день после окончания учебы они переедут на дачу. В этом году ей дали отпуск в августе, так что июнь с детьми будет сидеть Кирилл, а ей придется кататься на работу в электричке. Долго, конечно,

зато дети на свежем воздухе, а в дороге она наконец перечитает хорошие книжки, до которых давно не доходят руки. Почему-то в электричке прекрасно читается.

Ирина улыбнулась. Псевдокожаные плащи напомнили ей о том, что дома лежит два с половиной метра прекрасного розового сатина, ожидающего превращения в модную юбку со свободными складками и широким поясом, а к ней она попросит Кирилла достать через его сомнительных знакомых писк сезона — пластмассовые туфельки, именуемые в народе «мыльницами». Хорошо бы тоже розовые, в цвет юбки. Тогда она наденет ко всему этому великолепию белую кофточку и отправится на работу! А еще, черт возьми, она уже достаточно опытный и компетентный сотрудник, чтобы позволить себе молодежную стрижку «итальянка». Хватит уже этой скучной «улитки», которую она носила после выпуска из универа, чтобы казаться старше. Больше ей это не требуется. К счастью или к сожалению, но не нужно.

* * *

— Ну что, артистка? — спросила Лариса, выйдя в прихожую с Данилкой на руках.

Настя рассмеялась и потянулась к сыну.

— Куда с улицы? — Лариса отступила в маленький коридорчик, ведущий к кухне. — Сначала руки!

Руки так руки.

Переодевшись в домашний халат, Настя отправилась в ванную и как следует намылила ладони. В зеркало она старалась не смотреть, зная, что после слез, которые тщетно пыталась проглотить, выглядит не очень, а сегодня плохого было достаточно и без созерцания своей потускневшей красоты. Ладно, ничего, ляжет пораньше, сразу как Данилка утомонится, выспится, и утром зеркало покажет ей ясноглазую красавицу, у которой все впереди и счастье ждет за первым поворотом. Да, утром получится поверить, что ей не уже, а всего лишь двадцать четыре года, и отчаиваться пока рано.

Вытерев руки, Настя побежала к сыну. Первый раз они расстались так надолго, на целых три с половиной часа, но Данилка, кажется, не слишком соскучился, потянулся к ней, взмахнул машинкой, сказал «мама-мама» и вернулся к своим занятиям в манежике.

Лариса позвала есть. Перед Настей возникла тарелка с горкой картофельного пюре и круглой румяной котлетой размером с шайбу для хоккея. Сбоку скромно притулилась половинка сморщенного соленого огурца.

— Ой, это мне много, — испуганно пискнула Настя.

— Ешь, не выдумывай!

— Правда много...

— Надо кушать, а то ты вон прозрачная вся!

Настя вздохнула. Еда на тарелке манила, особенно котлета, но она так старательно держалась

в форме всю беременность и кормление грудью, что будет очень обидно сдать теперь, когда эти испытания для фигуры уже позади. Неудобно, конечно, перед Ларисой, она так старается повкуснее ее накормить, но внешность — Настин рабочий инструмент. Распускаться никак нельзя. Она, как в детстве, размазала пюре по тарелке, но, увы, маневр этот не работал тогда, не сработал и сейчас.

— Ой, Данилка вроде зовет, посмотри, пожалуйста, — сказала Настя и, когда Лариса выбежала в комнату, быстро отправила полкотлеты и почти все пюре в мусорное ведро.

— Послышалось. Играет себе спокойно, а мы с тобой давай чайку попьем, пока тихо.

Лариса достала круглый фарфоровый чайник с золотой каймой и алой розой на боку, всыпала в него ровно три ложечки заварки (по одной на человека и еще одну на чайник), залила кипятком, но не крутым, а чуть остывшим, закрыла крышку, которая по каким-то неведомым Насте законам физики начала деловито подрагивать, надела на чайник «бабу» и посмотрела на часы, засекая три минуты.

Настя всю самостоятельную жизнь обходилась пакетиками, которые слегка отдавали веником, и, честно говоря, жаль будет возвращаться к ним, если подруга уедет.

— Ну что? — Лариса забрала у нее пустую тарелку. — Успешно?

Настя пожала плечами:

— Сказал, что интересных ролей для меня пока нет, так что лучше мне посидеть еще дома, пока родина позволяет.

В действительности главный режиссер, услышав, что она хочет выйти из декрета, равнодушно бросил «ну давай, воткнем тебя куда-нибудь», а когда она сказала, что готова прервать отпуск по уходу за ребенком только ради главной роли, засмеялся: «Слушай, Астафьева, когда мне завлит принесет пьесу, где центральным персонажем будет дерево, то я обязательно назначу тебя, а пока сама знаешь, нет маленьких ролей, а есть кто?» Он весело подмигнул, а Настя промолчала. Кто-кто... Такие вот смазливые и бездарные дуры, как она.

Станный человек главреж, хам и сволочь, а сердиться на него почему-то не хотелось.

— Завтра на «Ленфильм» еще съезжу, ладно, Ларис?

Пожав плечами, Лариса разлила чай по чашкам и достала вазочку с конфетами.

— Зачем? Появилось что-то? — спросила она.

Настя отвела взгляд от стола и уставилась на куст алоэ, буйно разросшийся в кухонной атмосфере. Вроде бы это растение обладало такими мощными целебными свойствами, что при простуде следовало отламывать от него колючие мясистые листья и заталкивать себе в нос. Якобы это гарантировало немедленное выздоровление, но Настя проверять не собиралась. У них с алоэ было негласное соглашение — ты не трогаешь меня, а я